

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676

УДК 82-312

Научная статья / Research article

Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики»

Л.В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, р-н Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1*
✉ dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Буддизм находит многообразное отражение в творчестве Л.А. Юзефовича на протяжении многих десятилетий. Буддийские идеи и мотивы присутствуют в его ранней книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг и мир, в котором он жил», в некоторых других его прозаических текстах, в поэзии. В предлагаемой работе в рамках большого исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, анализируется влияние буддизма на роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики». Буддийская идея об иллюзорности реальности и человека находит отражение в сюжете произведения и в организации системы персонажей. Романная интрига основывается на принципе повторения, реализуемого в пространстве, времени и в человеческих судьбах. Герои «Журавлей и карликов, согласно одной из возможных интерпретаций, предлагаемых романом, представляют собой одно сознание, меняющее свои формы в русской истории. При этом иллюзорность отдельного человеческого бытия воспринимается автором не в пессимистическом ключе, а как свидетельство духовного родства всех живущих. Проводятся параллели к схожему восприятию реальности и людей в романе «Князь ветра» и повести «Песчаные всадники» Юзефовича и книге Э.В. Лимонова «Старик путешествует».

Ключевые слова: буддизм, религия, иллюзорность, пустотность, система персонажей, Л.А. Юзефович

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 августа 2022 г.; откорректирована 5 сентября 2022 г.; принята к публикации 1 октября 2022 г.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 669–676. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>

© Дубаков Л.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

A man as a Buddhist imaginary in L. Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs"

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University,

1 International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, 518172, People's Republic of China

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. Buddhism finds a diverse reflection in the work of L. Yuzefovich for many decades. Buddhist ideas and motifs are present in his early book "The Autocrat of the desert. Baron R. Ungern von Sternberg and the world in which he lived," in some of his other prose texts, in poetry. In the proposed work, within the framework of a large study devoted to the Buddhist text of modern Russian literature, the influence of Buddhism on Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs" is analyzed. The Buddhist idea of the illusory nature of reality and man is reflected in the plot of the work and in the organization of the system of characters. The novel intrigue is based on the principle of repetition, realized in space, time and in human destinies. The heroes of "Cranes and Dwarfs," according to one of the possible interpretations offered by the novel, represent one consciousness that changes its forms in Russian history. At the same time, the illusory nature of a separate human existence is perceived by the author not in a pessimistic way, but as evidence of the spiritual kinship of all living things. The author also draws parallels to a similar perception of reality and people in the novel "Prince of the Wind" and the story "Sand Riders" by Yuzefovich and the book by E. Limonov "The Old Man Travels."

Keywords: Buddhism, religion, illusory nature, emptiness, character system, L. Yuzefovich

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted Augusts 24, 2022; revised September 5, 2022; accepted October 1, 2022.

For citation: Dubakov, L.V. (2022). A man as a Buddhist imaginary in L. Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 669–676. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>

Введение

В творчестве Л.А. Юзефовича буддизм играет значительную роль. Интерес к этой религии проявился у писателя еще в молодости, он связан и с местом рождения, и с некоторыми аспектами его биографии. Так, в своей знаменитой, неоднократно переиздававшейся книге «Самодержец пустыни», равно как и в повести «Песчаные всадники», он описывает в том числе буддийские составляющие образа барона Унгерна. Роман Юзефовича «Князь ветра» на сюжетном уровне и на уровне системы персонажей построен на основе буддийских концепций пустотности и иллюзорности реальности. Речь о том, что, согласно буддизму, реальность иллюзорна, так как она воспринимается и именуется омраченным человеческим сознанием. При этом подлинное ее состояние пусто от подобной аффективной рецепции.

Обсуждение

Буддийские аспекты романа «Журавли и карлики»

Другим произведением Леонида Юзефовича, в котором находит отражение концепция буддийской иллюзорности, является роман «Журавли и карлики». Вот что пишет об этом В.В. Мароши в статье «Семиотика Каро-

корума в современной русской литературе»: «Буддийской модели мира соответствуют мотивы не только пустоты, но и кажимости, миражей, призрачности героев и мира, в котором они находятся. Это ощущение испытывает Жохов («Иногда, конечно, накатывает что-то такое, не знаю даже, как толком объяснить. Идешь утром на работу, и кажется: или все это прямо сейчас исчезнет, все эти дацаны, субурганы, бараны, хуяны – или они останутся, а меня самого тут не будет. Странное ощущение. То вроде все нормально, а то живешь, как во сне» <...>, Шубин («Он жевал кровяную колбасу вперемешку с печеньем „Юбилейное“, курил, прихлебывал чай, но Шубина не покидало чувство, что сидящий перед ним человек не совсем реален и вот-вот может истончиться до полной прозрачности. Их свидание было – как встреча на том свете» <...>»)» (Мароши, 2010, с. 239).

В центре сюжета «Журавлей и карликов» – история четырех персонажей, проживающих разные жизни, но при этом похожих друг на друга. Как сказано в финале книги о резчике, создавшем буддийский ксилограф, на котором под химорином (конь ветра, лунгта – символ в тибетском буддизме в виде коня, который приносит благополучие) были размещены иудейский могендовид и буддийская свастика: «Резчик понятия не имел, что они могут означать еще что-то, кроме вечного круговорота жизни и столь же бесконечного превращения одного в другое»¹. По словам В.В. Мароши, «сама система персонажей построена по принципу мандалы, кругообразного вращения, как и структура Каракорума вокруг священного серебряного дерева и фонтана ханского дворца» (Мароши, 2010, с. 239). И эта идея многократно поддерживается в романе. Так, например, в финале книги Шубину снится сон, где он видит четыре фигуры, пьющие разные напитки, которые при этом извергаются из одного фонтана². Образ мандалы в качестве попытки описать специфику сюжета этого романа возникает также в статье М.П. Абашевой «Ход слоном, или Почему роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» получил премию «Большая книга»»: «...герои кружили, описывая какие-то странные, как в мандале, круги своей судьбы, оставляя многочисленные, различные и похожие дворцы и фонтаны» (Абашева, 2010).

Самозванец эпохи царя Алексея Михайловича Тимофей Анкудинов, бывший горный инженер, а в 90-е годы XX века – стихийный бизнесмен Жохов, Алексей Пуцятто, выдавший себя за цесаревича Алексея, монгол Баатар, с которым повествователь пересекается в начале нулевых годов нашего века – все они обладают портретным сходством: «Волосом черно-рус, лицо продолговато, одна бровь выше другой, нижняя губа поотвисла чуть-чуть»³, – являющимся прологом к сходству их судеб. Это портретное сходство таково, что жена Шубина прозвала Анкудинова, о котором пишет книгу ее муж, жохом, имея в виду и фамилию их общего знакомого, то есть Жохова, и авантюрный характер того и другого.

Схожий склад характера и мистическое совпадение жизненных путей сводит всех четырех героев в Монголии. Об обращении монголов в христи-

¹ Юзефович Л.А. Журавли и карлики. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 475.

² Там же.

³ Там же. С. 441.

анство говорят Анкудинову в Риме иезуиты, а позже он сам в качестве посланного появляется в Эрдене-Дзу, Алексей Пуцятто в конце жизни оказывается в Монголии, Жохов был в Монголии в молодости и провел там последние годы, Баатар – уроженец этой страны.

Также их объединяет буддизм. Монгольские номады перешли в буддизм, и в Риме Анкудинову, которого принимают за сына царя Василия Шуйского, предлагают отправить к ним христианских миссионеров, а позже он сам в Монголии якобы хочет принять желтую веру. Алексей Пуцятто поселился в Халхе, где его окружал такой пейзаж: «Неправильный белый прямоугольник монастырских стен и окружавшие его юрты ярко выделялись на фоне свежей весенней травы. Шпили многочисленных субурганов не до конца утратили позолоту. То один, то другой вспыхивал под солнцем. Зрелище было исключительное по красоте»⁴. Этот же буддийский пейзаж вспоминается Шубину, когда он читает книгу, в которой рассказывается про последние годы жизни Анкудинова: «За дальней линией субурганов невидимо тек Орхон <...> гряды за грядой поднимались плоские, растущие вширь холмы, на их фоне монастырь казался совсем крохотным. От его красоты щемило сердце, настолько она была неоспоримой и в то же время непрочной, безропотно готовой раствориться в окрестном пейзаже»⁵.

Жохов полон буддийскими впечатлениями молодости. Он медитировал по утрам – до гайдаровских реформ⁶. Процедура пересчета денег его «приятно успокаивала, как чтение мантры»⁷. Процесс своего согревания в электричке он сравнивает с буддийской практикой туммо, практикой «возжигания внутреннего тепла» с целью трансформации сознания⁸, он помнит высказывания «Дхаммапады»⁹, известного текста из буддийского канона, компендиума буддийской мудрости, изложенной в поэтической форме, и других буддийских текстов¹⁰: «„Внимательно наблюдая за вещами, мы можем сказать, что в мире нет даже двух различных вещей“, – процитировал Жохов кого-то из дзэнских мудрецов»¹¹.

Он проникся «Тибетской книгой мертвых», или «Бардо Тхедол»¹², которая посвящена части посмертного бытия человека: «Последняя учила тому, как после смерти различить Ясный Свет среди множества обманных огней, гораздо более красивых и ярких, слиться с ним и выйти из бесконечной череды низких перерождений»¹³, «Он начал объяснять, как важно увидеть Ясный Свет в первый день после смерти и стремиться к нему, не обманываться другими огнями, более красивыми и яркими. Нужно узнать его, как в

⁴ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 386.

⁵ Там же. С. 444–445.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 336.

⁹ Там же. С. 55, 129, 459.

¹⁰ Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. СПб.: Институт метафизики, 2007. С. 391.

¹¹ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 469.

¹² Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма... С. 116.

¹³ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 129.

сказках крестьянская девушка узнает переодетого принца в толпе разряженных придворных»¹⁴.

Но, помимо внешнего, а также литературного и психологического истолкований сходства героев и при этом их иллюзорной природы: «Чтобы перевоплотиться в царевича из рода Шуйских, он должен был стать не беглецом, а мертвецом»¹⁵ (фраза про то, что Анкудинов должен был стать «не беглецом, а мертвецом», перешла в роман из книги Л.А. Юзефовича «Самые знаменитые самозванцы»; продолжение этой мысли там завершалось глаголом «превратиться»; в «Журавлях и карликах» глагол был заменен на «перевоплотиться», и в контексте монголо-буддийского измерения романа он вполне может быть прочитан и буквально), Анкудинова «больше не существовало, множество поселившихся в нем душ так долго и с такой силой тянули его тело в разные стороны, что оно истончилось до полной прозрачности»¹⁶, – Л.А. Юзефович предлагает также мистико-религиозную интерпретацию.

Сквозная идея романа – о том, что четверо героев являются разными формами одного и того же, а не разными людьми, отдельное бытие которых иллюзорно, – повторяется несколько раз: «Звезды и созвездия есть творения предвечных душ, созидаемые ими на пути к воплощению. Там эти души пребывают до вселения в то или иное тело на планете Земля. Когда предвечная душа повторно погружается в человеческую плоть, перед нами суть не разные люди, а всего лишь различные формы ее земного существования»¹⁷. Эта якобы астрологическая интуиция неоднозначно, но опровергается в книге с позиций христианства: один из персонажей говорит, что учение о предвечных душах противоречит установлениям Пятого вселенского собора. С точки зрения буддизма она также требует большого комментария, однако возможность одновременного и даже одновременного пребывания одного сознания в разных телах в буддизме имеется. Считается, например, что так поступают великие бодхисаттвы (например, все Далай-ламы – догматически – воплощения бодхисаттвы Сострадания). В «Журавлях и карликах» Шубин проговаривает телеологическую теорию, касающуюся Анкудинова: «Он перебивал католиком, протестантом, мусульманином, иудеем. Его, как вакцину, впрыснули в тело державы, чтобы она переболела легкой формой этих смертельных болезней, грозящих ей с запада и с юга, а потом отправили к монголам, посчитав, что для безопасности с востока нужно привить ему еще и желтую религию»¹⁸. В книге «Самые знаменитые самозванцы» Л.А. Юзефович, говоря о мотивах перехода из религии в религию Анкудинова, использует выражение «паразитительная беспринципность»¹⁹, избегая неопределенных метафизических надстроек.

¹⁴ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 342–343.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 154, 193–194, 357.

¹⁸ Там же. С. 445.

¹⁹ Юзефович Л.А. Тимофей Анкудинов – «царевич»-астролог // Самые знаменитые самозванцы: исторические очерки. М.: Олимп: Современник, 1999. С. 168.

Концепция буддийской иллюзорности, кроме того, обозначается в книге прямо. Так, Жохов рассказывает Кате идеи «Бардо Тходол» о сроке промежуточного посмертия человека и рефлексии относительно природы «московской суеты» и модуса восприятия жизни: «В Тибете и Монголии ламы удаляются от мира как минимум на тот же срок, и современные психологи считают, что за меньший период никакими тренингами невозможно перестроить свое сознание, но задача существенно упрощается, если в полном одиночестве, как Катя, живешь среди этих полей, под этим небом, при одном взгляде на которое вся московская суета отодвигается куда-то далеко-далеко, в область кармических иллюзий, где ей, собственно, и место»²⁰, «...он уже тогда стал понимать, что сознание иллюзорности этого мира дает силы мириться с его несовершенством»²¹. Эту же фразу произнес ранее персонаж романа «Князь ветра» профессор Довгайло. Также через «Дхаммападу» появляется в романе образ буддийского царя смерти, Ямы²², сохранность от которого героям обеспечивает именно их иллюзорность: «Кто смотрит на мир как на мираж, того не видит царь смерти»²³, царь смерти «не видит нас по другой причине. В минуты любви мы находимся так близко к нему, что он не может нас разглядеть»²⁴, «Царь смерти не видит тех, кто сознает свою призрачность»²⁵.

Говоря об иллюзорности реальности в целом, нужно упомянуть статью В.В. Мароши, который, анализируя мотивы буддийской пустотности (иллюзорности) в романе «Журавли и карлики», видя их проявление в многочисленных пространственных образах этой книги, приходит, помимо прочего, к выводу о том, что «на локус Каракорума в литературе XX в. переносятся ясно различимые черты эсхатологии „петербургского мифа“ русской литературы. Метаморфозы недолговечной имперской столицы монголов напоминают призрачное бытие в слове российской и советской власти и ее обеих „фантастических“, миражных столиц. Попадание героя в Каракорум означает для него соприкосновение с запретным миром инобытия, а в социальной перспективе является знаком конца имперского проекта России» (Мароши, 2010, с. 240).

Эту же интерпретацию можно приложить и к роману Юзефовича «Князь ветра», где Урга и Петербург сопоставляются напрямую: «...Петербургу суждено „быть пусто“ и погрузиться на дно морское; точно так же есть пророчество, что и Урга, поглощенная степью, когда-нибудь исчезнет с лица земли, не оставив после себя ни одного из своих имен»²⁶ – и действие которого завершается в революционном Петрограде, окончательно обрушающем прежнюю империю. Мотив буддийской пустотности, поглощающей не благие властные, государственные стремления, присутствует и в повести «Песчаные всадники» (и в стихотворении «Унгерн»), в которой жизнь барона

²⁰ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 342.

²¹ Там же.

²² Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма... С. 895.

²³ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 55–56.

²⁴ Там же. С. 300.

²⁵ Там же. С. 342.

²⁶ Юзефович Л.А. Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. С. 26.

Унгерна оборачивается прахом, пеплом, песком и завершается на пустыре возле города Новониколаевска, который также скоро прекратит свое существование, став Новосибирском.

Этот образ пунктирно появляется также в книге Э.В. Лимонова «Старик путешествует», в которой он посещает Степной кремль в городке Хархорум в Монголии. Как и в «Журавлях и карликах», монгольская реальность у Лимонова неприглядна, святыни стали частью рынка. И все же образы вечности проглядывают через фальшь настоящего. Сквозь Степной кремль дует «ветер с пылью» (Лимонов, 2020, с. 169) и уходят последние монголы. И образ Степного кремля создается не только через то, что вокруг него есть, а через то, чего в нем давно нет, через отсутствие, через пустоту.)

Заключение

В романе «Журавли и карлики» Л.А. Юзефович, обращаясь к концепции буддийской иллюзорности, вновь проговаривает мысль о призрачной природе человека, об онтологической условности границ между людьми, о призрачной природе реальности в целом, которая становится очевидной в моменты личностных и исторических кризисов, поскольку «тяжелая болезнь ослабляет человека, рассеивает в нем случайный набор случайных элементов» (Андросов, 2001, с. 11) (или дхарма-частиц), и «вечные истины являются ему в пустоте его сознания»²⁷, а «В то счастливое время Жохов не знал, что бывают времена, подобные болезни. Они разрушают душу, но они же открывают перед тобой вечность»²⁸.

Концепция буддийской иллюзорности человека позволяет Леониду Юзефовичу, который упоминает «Ганджур» и «Данджур», книги тибетского буддийского канона²⁹, не только разглядеть в главных героях романа «Журавли и карлики», равно как и во всех людях, схожесть, но и обозначить их сущностную родственность: «Видишь, как все возвращается, повторяется, перетекает друг в друга, сбрасывает имена, скрывающие под собой разные части одного и того же, и когда проходит первый шок, начинаешь понимать, что не так уж важно, кто произвел тебя на свет в твоём физическом облике. Люди больше похожи на свое время, чем на своих родителей. Все рожденные под одной звездой – братья»³⁰.

Список литературы

- Абашева М.П. *Ход слоном, или Почему роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» получил премию «Большая книга»* // Филолог. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_192 (дата обращения: 31.07.2022).
- Андросов В.П. *Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов*. М.: Восточная литература, 2001. 508 с.
- Лимонов Э.В. *Старик путешествует*. М.: Индивидуум, 2020. 264 с.

²⁷ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 359.

²⁸ Там же. С. 359.

²⁹ Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. *Энциклопедия буддизма*... С. 270, 307.

³⁰ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 359–360.

Мароши В.В. Семиотика Каракорума в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 228–240.

References

- Abasheva, M.P. (2010). The Elephant's Move, or Why Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs" received the "Big Book" award. *Filolog*, (10). (In Russ.) Retrieved July 31, 2022, from http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_19
- Androsov, V.P. (2001). *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Limonov, E.V. (2020). *The old man travels*. Moscow: Individuum Publ. (In Russ.)
- Maroshi, V.V. (2010). Semiotics of Karakorum in modern Russian literature. *Kritika i Semiotika*, (14), 228–240. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Bio note:

Leonid V. Dubakov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru